

Камчатско-курильская экспедиция под номером 17, которая предполагала очередной этап краеведческих изысканий на островах Матуа и Шумшу, завершилась без традиционных фанфар. Прошел уже почти месяц с тех пор, как исследователи во главе с представителем дипломатического ведомства в Петропавловске Евгением Верещагой и историком Ириной Витер находятся на полуострове. Но до сих пор не опубликованы ни традиционный отчет о проведении рейда, ни подборка фотоснимков о ходе работ. Лишь короткое сообщение в местных электронных СМИ: «Экспедиция продолжалась 14 дней. Хотя предполагалось исследовать два острова, но по независящим от участников обстоятельствам они посетили только остров Матуа».

О том, что это были за обстоятельства, не сказано ни слова. Однако сама Ирина Витер не отрицает: речь идет о недовольстве сахалинских властей. Им не нравится, что «группа энтузиастов из камчатского отделения Русского географического общества», как называют себя сами путешественники, уже более десяти лет действует на территории области, не ставя об этом в известность региональное правительство и, в частности, министерство культуры. Более того, начиная с 2011 года, камчатцы, высаживаясь на архипелаг, нарушают сахалинское региональное законодательство.

Договориться не удалось

Речь идет об областном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры), расположенных на территории Сахалинской области», который регулирует использование всех официально зарегистрированных на территории региона исторических мест. Таких только в Северо-Курильском городском округе, к которому относятся излюбленные камчатскими краеведами острова Шумшу и Матуа, около трех десятков. Включая могилы Героев Советского союза Петра Ильичева и Николая Вилкова, повторивших во время десантной операции подвиг Александра Матросова, комплекс японских долговременных укреплений на острове Матуа, поле боя советских десантников с японскими танками и многие другие, относящиеся к заключительному периоду второй мировой войны.

Статья 11 областного закона так и называется: «Порядок установки памятников, памятных знаков и мемориальных досок на территории Сахалинской области». В соответствии с ней, в принципе, любое юридическое или физическое лицо может устанавливать на Курилах православные кресты, часовни и памятные таблички. Вот только для этого надо сначала обратиться в региональное министерство культуры за соответствующим разрешением. Однако, камчатским организаторам курильских экспедиций сахалинский закон, как видно, не писан.

В ходе только одной, 13-й экспедиции, состоявшейся в июне 2011 года, они установили на острове Матуа звонницу перед часовней во имя Великомученика и Победоносца Георгия, а также крест, посвященный 300-летию начала освоения Курильских островов. Кроме этого путешественники оставили на архипелаге четыре так называемые «мемориальные таблицы».

Нет ничего предосудительного в том, чтобы увековечить память о событиях, важных для истории Камчатки, Сахалина и Курил. Но, согласитесь, разве не следует делать это в соответствии с законодательством региона, где устанавливаются памятные знаки? Не забывая, что экспедиция все же находится на территории Сахалинской области в гостях. Как свидетельствует начальник отдела охраны объектов культурного наследия сахалинского министерства культуры Елена Савельева, «мы узнаем об экспедициях на

Шумшу и Матуа из средств массовой информации уже после того, как они завершаются».

Как уже писала наша газета в номере от 6 августа, правительство Сахалинской области и региональное министерство культуры не против проведения экспедиций на Матуа и Шумшу. Елена Савельева говорит, что областные власти вовсе не хотят запретить там исследования. Но все подобные мероприятия надо как минимум согласовывать с министерством культуры того региона, куда направляются путешественники. Тем более, эти острова официально считаются местами боев времен второй мировой войны. В ходе недавнего визита на Камчатку представительной делегации правительства Сахалинской области переговоры о сотрудничестве касались и данной проблемы. По словам Елены Савельевой, совещание прошло продуктивно, однако, как она мягко выразилась, «окончательно договориться все-таки не удалось».

Научный руководитель камчатско-курильских экспедиций Ирина Витер с позицией сахалинского министерства культуры категорически не согласна. По ее мнению, Курильские острова – это территория Российской Федерации, а значит, любой гражданин нашей страны может приехать туда для изучения истории и даже что-нибудь на память установить. «Я считаю, что Сахалинская область вообще не имеет особого права что-либо запрещать, – говорит Ирина Васильевна. – А чтобы принять участие в наших экспедициях, представители Сахалина должны, прежде всего, поучаствовать в финансовых вопросах». По ее мнению, материал «Острова невезения» в номере «Вестей» от шестого августа – это «некрасивая статейка», которая «сыграла свою отвратительную роль» в фактическом провале 17-й экспедиции.

Могу копать, могу
не копать

Дело в том, что последнюю из камчатско-курильских экспедиций с архипелага вежливо попросили. Но причину и следствие случившегося, вероятно, путать не следует. Проблема здесь вовсе не в нашей предыдущей публикации, а в том, что чуть больше года назад вступил в действие Федеральный закон № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии».

В соответствии с ним поправки подверглись, в частности, Гражданский, Уголовный, Уголовно-процессуальный и Административный Кодексы РФ, а также Федеральный закон от 25 июня 2002 года N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Кроме того, Закон своей статьей 8 отдельно регулирует вопросы владения и распоряжения археологическими предметами.

Направлен новый закон на то, чтобы ужесточить наказания для так называемых «черных копателей», которые без каких-либо разрешений проводят раскопки в частном порядке. Одни ищут клады, другие рады любым старинным ценным предметам, которые у них охотно скупают коллекционеры. Раньше на эту деятельность государство смотрело сквозь пальцы. Однако теперь, после того, как Россия 27 июня 2011 года ратифицировала Европейскую конвенцию об охране археологического наследия, наша страна вынуждена применять к подпольным археологам жесткие меры.

На самом деле, понятие «археологический предмет», введенное новым законом, специалисты считают «сырым» и не продуманным. Согласно определению, это

«движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок». Возникает вопрос: можно ли считать археологическим предметом пробитую осколком советскую солдатскую каску образца 1943 года, точно такую же, как и те, что до сих пор применяются в российских вооруженных силах? Или японскую бутылку из-под саке времен Второй мировой войны? Пока термин «археологический предмет» все трактуют по-разному, а Госдуме РФ по предложению депутата Вайнштейна предстоит уточнить его на осенней сессии нынешнего года.

Но в главном новый закон двояких толкований не допускает. Все предметы, найденные на территории исторических памятников, являются государственной собственностью. При обнаружении даже незначительных по стоимости или исторической ценности предметов лицо, их нашедшее, обязано передать их в пользу государства. В то же время ведение поисков или раскопок без разрешения, которое в археологии называют «открытым листом», может повлечь за собой как административную, так и уголовную ответственность. Другими словами, теперь запрещено просто так, по своему хотению, бродить по местам сражений, искать и собирать части оружия и военной техники, предметы экипировки и быта солдат и даже стреляные гильзы.

Между тем, на Интернет-сайте камчатского отделения Русского географического общества, под эгидой которого уже 11 лет проводятся камчатско-курильские экспедиции, прямо указано: «Основными задачами экспедиций являются морские исследования, главная цель которых – найти подводные объекты (транспорты, подводные лодки, объекты японской подводной инфраструктуры), комплектование предметов для экспозиций постоянно действующей выставки в Камчатской краевой библиотеке им. С. П. Крашенинникова».

Получается, Русское географическое общество и региональная общественная организация «Камчатско-Курильская экспедиция» официально декларируют намерение заняться противозаконной деятельностью? Ирина Витер на этот вопрос отвечает отрицательно. Дескать, все 17 совершенных на Курилы поездок носили не поисковый, а исследовательский характер. А привезенные оттуда предметы – это просто находки.

Бесхозные вещи, которые, по ее мнению, любой может подобрать и взять себе.

С точки зрения Гражданского Кодекса, это совсем не так. Если то, что сегодня экспонируется на выставке в Камчатской краевой библиотеке имени С.П.

Крашенинникова, а также в Музее воинской славы, действительно обнаружено на полях сражений, то это собственность Сахалинской области. Вот только сможет ли кто-нибудь, включая саму Ирину Васильевну Витер, официально доказать происхождение каждой из этих находок?

Находки. История
с географией

Все, что за 11 последних лет было вывезено с Курильских островов, по словам Ирины Витер, сегодня находится не в собственности, но в ведении РОО

«Камчатско-Курильская экспедиция». Краевая библиотека имени С.П. Крашенинникова на безвозмездной основе предоставила этой общественной организации просторный холл на третьем этаже, где организована выставка «Курилы: от истории к современности». И здесь не точна Ирина Васильевна. О современности на библиотечной выставке ни слова. Сюда на экскурсии водят школьников. После каждой из них

администрация книгохранилища ставит очередную галочку в графу «патриотическое воспитание молодежи».

На первый взгляд, всем хорошо и всех все устраивает. Только никто из организаторов экспозиции почему-то не вспомнил о Федеральном законе «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», который четко определяет процедуру легализации подобных находок. Лишь после нее они получают статус «музейных предметов». То есть в данном случае «исторических ценностей, качество либо особые признаки которых делают необходимым для общества их сохранение, изучение и публичное представление».

Для включения музейных предметов в Музейный фонд их собственник должен обратиться в Министерство культуры РФ с заявлением, к которому следует приложить целый ряд документов. Первый и главный из них – свидетельство, подтверждающее наличие права собственности на ту или иную ценность. Если, к примеру, просто подобрать с земли какой-нибудь котелок, или ствол от винтовки военных времен, без подробного описания, как делают не профессиональные археологи, а «черные копатели», то это непоправимое нарушение процедуры. После него уже ничего не исправить.

Если участники камчатско-курильских экспедиций делали все по правилам, с описанием места, где была обнаружена та или иная находка, и с точным определением ее географических координат, то почему за 11 лет путешествий никто не легализовал эти предметы и не доказал необходимость представлять их публично? А если наши ученые-историки просто собирали реликвии, как грибы, то понимают ли они, что тем самым фактически ставили под сомнение не только происхождение, но и историческую ценность своих трофеев?

Казалось бы, уж в музее боевой славы точно должны выставляться только экспонаты, официально включенные в Музейный фонд РФ и имеющие реальную историческую ценность. Но и на те части японской боевой техники, что вывезены с островов участниками камчатско-курильских экспедиций и сегодня представлены в музейном двореке, тоже нет никаких документов.

На данный момент то, что выставлено в библиотеке и, отчасти, в музее воинской славы, с юридической точки зрения, это груда металла, которая непонятно откуда взялась и кому принадлежит. Вдобавок, права на эти предметы в любой момент может предъявить Сахалинская область. А сам музей воинской славы в Петропавловске, как выясняется, де-юре, и не музей вовсе. Официально он является филиалом дома культуры СРВ.

Что ищет он в краю
далеком?

Возникает справедливый вопрос: неужели проводимые с таким размахом уже 11 лет камчатско-курильские экспедиции, на которые затрачена уйма средств, на самом деле завершились обыкновенным пшиком? Поскольку, как уже было упомянуто, отчет о 17-й экспедиции пока так и не появился в открытом доступе, в поисках ответа обратимся к отчету по результатам предыдущей, 16-й поездки. Она состоялась в июне прошлого года и продолжалась три недели.

Организаторы не без гордости отмечают, что за это время на острове Шумшу были обследованы места высадки участников Курильской десантной операции, обследована

акватория острова Шумшу, обследована жилищная и оборонная инфраструктура острова Шумшу (казармы, бани, печи, мастерские и т.д.). Также обследованы территория маяка на мысе Курбатова, площадь аэродрома в Кузьминках, район озера Беттобу (аэродром). Выявлены объекты оборонных сооружений. Разрешены некоторые противоречия, встречающиеся в документах архивов. По всем объектам произведена фото-кинофиксация, проведено соответствующее описание и измерение объектов, установлены координаты с использованием GPS навигаторов. И как результат: обследование острова позволило составить более объективное представление о ходе десантной операции.

Как-то уж очень похоже на обыкновенную экскурсию. Любознательные туристы тоже охотно «обследуют» памятники старины, фотографируясь на их фоне. Если вовремя задать гида интересующий вопрос, то он поможет и «разрешить некоторые противоречия». А после экскурсионной прогулки любой составит «более объективное представление» о посещенных местах. Ведь все знают, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Территорию опаленных войной островов камчатские путешественники во главе с Евгением Верещагой и Ириной Витер увидели не один, а целых 17 раз. Что же ищут они там с таким завидным упорством? Отчасти ответить на этот вопрос можно, прочитав на одном из Интернет-сайтов подробный репортаж о восьмой камчатско-курильской экспедиции, где автор обильно цитирует самого руководителя группы.

«Мы на 100 процентов уверены в том, что остров Матуа – база японской армии на Курильских островах – законсервирован. Большинство объектов, которые японцы считали важными и нужными, в августе 1945-го были засыпаны большим слоем земли», – говорит Евгений Верещага автору статьи. И продолжает: «С помощью простой лопаты и даже экскаватора туда не добраться, а соваться вглубь без специальной техники опасно. Мы кое-что пытались копать, но, сами понимаете, когда над головой нависают 5-6 метров сыпучего грунта, это опасно».

Участники восьмой поездки также говорили пять лет назад, что им «не удалось обнаружить и данных о вывозе с Матуа военной техники, к тому же на острове нет пирсов, которые есть на Шумшу». Далее в тексте, который каждый может легко найти, автор выражает неподдельный восторг тем, что «среди техники, которой располагают исследователи, есть также самоходная дизельная японская грузовая тележка, способная перевозить до 2 тонн груза, мини-экскаватор с ковшем и отвалом и лебедки». Данный текст за пять лет с момента публикации ни разу не вызывал претензий у руководства камчатско-курильских экспедиций. Вы, уважаемые читатели, не находите, что он, мягко говоря, противоречит утверждениям Ирины Витер о том, что исследователи не ведут на островах никаких раскопок? Или, может быть, на мини-экскаваторе и грузовой тележке они просто катались по архипелагу?

В соответствии с Федеральным законом № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», использовать при исследованиях, проводящихся без открытого листа, запрещено не то что землеройную технику, но даже обычные лопаты. Не оттого ли Ирина Витер сегодня не уверена в том, состоится ли вообще очередная, 18-я экспедиция? Ведь подобное размашистое краеведение уже год пахнет как минимум административным наказанием.

Можно ли считать экскаваторные раскопки под видом «не поисковой, а

исследовательской» экспедиции научной деятельностью, каждый может ответить для себя сам. Но для того, чтобы давать экспертную оценку тем или иным событиям камчатской и курильской истории, надо, по крайней мере, соответствовать высокому званию ученого-историка.

Печальные итоги

Подведем краткий итог 17-ти экспедициям на острова Матуа и Шумшу. Все, что оттуда привезено, не может служить музейными предметами, поскольку не оформлено документально с соблюдением процедур, требуемых по закону. Столь халатное отношение к историческому наследию никак не вяжется с определением экспедиций как «научных» и со званием Ирины Витер, как «научного руководителя».

Памятные знаки, которые в результате появились на Курилах, установлены незаконно, с нарушением действующего регионального законодательства. Поэтому правительство Сахалинской области имеет полное право их демонтировать. Часть предметов, представленных на выставке в краевой библиотеке, настолько бессмысленна, что они, по нашему мнению, вообще не должны выставляться публично.

Какие знания об истории боев может дать небольшой кусочек приборной доски с инвентарным номером? Или ржавая каска советского солдата образца 1943 года, которая до сих пор является частью снаряжения в российской армии? Проще тогда уж взять новую. Наличие самой каски доказывает только то, что советские солдаты были на Курилах. Но разве у кого-то из жителей Камчатки есть в этом сомнения? И вообще, тех ли времен эта каска, или ее забыли на Шумшу позже? Ведь наши воинские части дислоцировались там вплоть до 1995 года.

Стоит ли все привезенное с Матуа на балансе региональной общественной организации «Камчатско-Курильская экспедиция»? Разумеется, нет. Ибо, чтобы поставить находки на баланс, надо определить их стоимость и историческую ценность. Для этого как минимум нужна экспертиза. Но и передать выставочные экспонаты в какой-либо музей, предварительно легализовав их, Ирина Витер не сможет. У нее нет для этого никаких документов.

Не появилось по результатам 17-ти экспедиций и никаких монографий по истории Курильского десанта. Зато у нас появилось стойкое ощущение, что все эти Курильские экспедиции искали что-то совсем другое. Что именно, пусть господин Верещага и госпожа Витер ответят сами.

Представим себе на минуту, что краевую библиотеку имени С.П. Крашенинникова закрывают на ремонт. Что тогда делать с привезенными с архипелага выставочными экспонатами? Ни в один музей их не примут. Музейным предметом в юридическом смысле ни один из них не является.

И еще. Очень рекомендуем Евгению Верещаге и Ирине Витер не мучить себя экспедициями на Шумшу, а потратить деньги на путешествие на мыс Лопатка, где установлена четырехорудийная 130-миллиметровая батарея, с которой и начался штурм Курильских островов. Она (батарея) первой открыла огонь по укреплениям японцев. Хорошо бы найти участников тех событий и поставить на батарее в их честь памятный знак.

Кстати укрепления и сами орудия на южной оконечности Камчатского полуострова хорошо сохранились. Они вполне могут претендовать на историческую ценность. Но, к сожалению, складов с обмундированием и японской утварью там нет. Как нет ничего

такого, что можно было бы дорого продать тем же японцам.

Можно очень долго рассуждать об истории и патриотизме. Но с точки зрения патриотизма эти экспедиции не прибавили камчатцам ничего. С исторической точки зрения они по своим итогам бесполезны. А слова Ирины Витер в адрес нашей газеты мы снисходительно расцениваем, как каприз женщины, которая почему-то решила, что об истории Камчатки ей положено радеть одной.

Мы же вспомним о двух решениях научно-методического совета по поводу вновь выявленных памятников культурного наследия и установки памятника первому губернатору Камчатки Василию Завойко на улице Ленинской в краевой столице. Оба они, в 1995 и 2008 годах принимались не без участия Ирины Витер, и оба впоследствии были отменены, как необоснованные.

Все это показательные образчики того, с какой небрежной легкостью можно обращаться с нашей, камчатской историей. При этом из года в год снаряжая целые раскопочные бригады в соседнюю Сахалинскую область. Можно негодовать, обвиняя в том, что 17-я камчатско-курильская экспедиция вернулась домой, несолоно хлебавши, газету «Вести». Можно и этот наш материал назвать «некрасивой статейкой». Но разве при таком отношении к истории и к закону можно называть себя серьезным исследователем? Или речь все-таки идет о любительской археологии? Той самой, которая черного цвета?

Дмитрий ЧЕРНОВ
Вячеслав СКАЛАЦКИЙ